

СЕРГЕЙ СЕРИКОВ

Я ГОБЛИН-
АЛХИМИК 2

Сергей Сериков

Я гоблин -алхимик 2

«Автор»

2026

Сериков С.

Я гоблин -алхимик 2 / С. Сериков — «Автор», 2026

Вторая книга «Я — гоблин-алхимик 2» повествует о периоде стремительных трансформаций: главный герой, скромный алхимик Мих, обретает титул барона и принимает на себя ответственность за благополучие своих близких и всей империи. В сопровождении верных соратников — Бора и Грилфа — он проходит путь духовного становления, где каждое принятое решение предопределяет ход грядущих военных действий.

© Сериков С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Сериков

Я гоблин -алхимик 2

Глава 1

Капитан королевской гвардии шёл впереди, не оборачиваясь, и его плащ — тяжёлый, бардовый, с нашитой на левое плечо короной Болиантов — стелился по каменным плитам, как подрезанное крыло. Я считал шаги. Двадцать два от входа в крыло стражи до первой арки, потом длинный коридор с двенадцатью факелами в медных держателях, потом поворот, где потолок поднимается и появляются витражи. На каждом четвёртом шагу я находил стражника — два алебардщика у окна с зелёным стеклом, двое арбалетчиков на галерее, один маг-телохранитель в серой мантии коллегии, который не смотрел на нас, но и не отводил глаз от Бора. Перстень-классификатор на моём мизинце нагрелся и выдал оценку: третий круг, не угроза. Бор шёл справа, его посох из морёного дуба тускло светился голубым, и маг это видел — я заметил, как его правая рука дрогнула к поясному амулету. Грилф шёл слева. Он никогда прежде не был при дворе, и его огромный рост, серо-зелёная кожа и нижние клыки привлекали взгляды, как огонь привлекает мотыльков. Но Грилф не улыбался. Он знал, что его улыбка специфическая, о чём я ему неоднократно напоминал, и поэтому шёл с каменным лицом старательно прикрывая свои клыки верхней губой.

— Дальше прямо, — сказал капитан, не оборачиваясь. — Через малый тронный зал. Его величество ожидает.

Голос у него был ровный, как у человека, который повторяет эту фразу дважды в день. Я кивнул ему в спину. Система работала. Все на своих местах.

Малый тронный зал нас встретил холодом. Здесь пахло пчелиным воском и нагретым железом от жаровен обогревающий зал приёмов. Пол был выложен белым и серым мрамором, на стенах висели гобелены с охотой на единорога — старые, выцветшие, с тёмными пятнами крови на боках лошадей, которые никто не потрудился реставрировать. У дальней стены стояли трое магов в мантиях Магической коллегии. Я узнал Гринфолла он переступил с ноги на ногу, когда мы вошли и еле заметно кивнул мне. Двое других были мне незнакомы. Все трое — мастера, один граничил с гранд-мастером. Я мысленно усмехнулся. На троне сидел король Ингус Болиант. Грузный мужчина лет пятидесяти, в простом тёмно-синем дублете без вышивки, с короной на голове, которая казалась на нём тяжелее, чем была на самом деле. У него были глаза человека, который не спал толком с тех пор, как взошёл на трон: красные веки, желтоватые белки, под ними — два тёмных провала, похожих на высохшие колодцы. Справа от него стоял герцог Эвенвуд — высокий, сухой, с седой бородкой и глазами, которые считали меня и моих друзей так же методично, как я считал стражников. Слева — лэр Азард, тот самый, что не так давно выманил у меня эльфов-пленников. Азард мне кивнул. Я кивнул в ответ.

— Рон Мих из Речного, — сказал капитан гвардии, остановившись у ступеней трона. — С почтением доставлен по вызову вашего величества.

— Благодарю, капитан. Можете идти.

Капитан поклонился и вышел, не оборачиваясь. В зале остались — я, Бор, Грилф, король, Эвенвуд, Азард, Гринфолл и двое безымянных магов. Девять человек. Я посчитал не от нервозности. Я посчитал, потому что считал всегда.

— Подойди ближе, Мих из Речного, — сказал король. Голос у него был низкий, хриплый, как у человека, который только что встал после тяжёлой простуды. — Герцог рассказал

мне о тебе. О Фасете. О Чёрном острове. О зелье регенерации, которое вернуло к жизни мою племянницу.

Я подошёл к ступеням трона и остановился. Три шага до короля. Достаточно близко, чтобы чувствовать его запах — табак, кислое вино, и под ними — слабый, почти незаметный запах страха. Король боялся чего-то. Я не знал чего. Пока.

— Я слушаю ваше величество, — сказал я.

— Докажи, что Фасет — не байка для менестрелей из таверны, — сказал король. — Герцог верит. Гринфолл верит. Я — нет. Я слишком стар, чтобы верить в сказки про бога-насекомое из иного мира. Покажи мне что-нибудь, что я смогу увидеть собственными глазами.

Я выдержал паузу. Не для эффекта — для приличия. Когда король просит тебя показать магию, торопиться нельзя.

— Ваше величество, — сказал я. — Я могу показать. Но предупреждаю: то, что увидит ваш двор, не сказка. Если у кого-то слабое сердце — пусть выйдет. Я не отвечаю за последствия.

В зале стало тихо. Эвенвуд поднял бровь. Азард слегка наклонил голову. Гринфолл у дальней стены сделал шаг вперёд. Король смотрел на меня, не мигая.

— У придворных крепкие нервы — слабые здесь не задерживаются. Показывай, рон Мих.

Я снял с плеча сумку, достал Лютню. Сумка была тяжёлой — в ней лежало всё: зелья, свитки, кинжал Хранитель у бедра, два запасных накопителя. Лютня была лёгкой — почти невесомой. Я провёл большим пальцем по сине-фиолетовому кристаллу-усилителю. Камень тёплый. Камень голодный. Камень — готов.

«Хозяин, — прошелестел у меня в голове голос Лютни, — Я спою то, что было. Я не могу показать того, чего не было.»

«Я знаю, — ответил я мысленно. — Покажешь то, что было».

Я взял первый аккорд. И второй. И третий — и на третий. Зал исчез.

Сначала пришёл запах. Песок, нагретый солнцем, которого здесь не было. Сухой, мёртвый, со странной нотой — что-то между серой и ржавчиной, — которую я потом не смогу вспомнить, сколько бы ни пытался. Это был запах иного мира. Запах Фасета.

Потом пришёл свет. Багровый, плотный, как кисель, свет солнца, которое светит белым светом. Песчаная пустыня — бескрайняя, выжженная, и в ней — пирамиды. Чёрные, гладкие, с гранями, которые не отбрасывали тени. Они как будто впитывали свет, не отдавая его. И на их гранях были видны глаза. Множество глаз. Словно тысячи людей были замурованы в камень.

Потом пришёл звук. Низкий, ровный гул, как гул трансформаторной будки, как гул чего-то очень большого и очень древнего, что дышит. Гул не прекращался. Гул шёл из земли.

Пирамиды стояли на большом расстоянии друг от друга, а между ними, по белому песку, ползли фигуры. Я знал, что это. Я уже видел это в голове адепта. Фигуры были людьми, но не совсем: у них не было глаз, вместо них — тонкие щели, как у насекомого, а кожа была покрыта мелкими чешуйками, которые переливались, как масло на воде. Они несли что-то на носилках. Сначала я не разобрал что. Потом разобрал. Человеческие тела. Десятки, сотни тысячи тел. И каждое из них было живо — я видел, как поднимаются и опускаются их рёбра. Несли эти тела к пирамидам.

Запах ударил вторым. Сладковатый, едкий, как гниющая плоть, смешанный с серой и горелым волосом. Кто-то из магов у дальней стены охнул. Гринфолл стоял, прижав руку к груди, и его лицо побелело, как пергамент.

Потом пошёл звук. Низкий, ровный, как будто где-то глубоко под землёй молотили в огромный барабан, и каждый удар отзывался по всему телу. Лютня гудела, выдавая частоту за частотой, и каждая частота открывала слой за слоем. Третьим пришёл сам бог Фасет.

Я не буду описывать его. Я не могу. Я видел его — глазами убитого адепта, из памяти которого Лютня сплела этот образ. Это было насекомое. Огромное, разумное, из иного мира.

В зале кто-то вскрикнул — это была королева. Она вошла как раз тогда, когда иллюзия достигла своего пика. Видимо, она решила присоединиться к аудиенции с опозданием, но уже в первую секунду поняла, что попала не в тот зал. Вскрикнув, она прижала руку к груди и отступила на шаг. Король побледнел, но не отводил глаз. Я видел, как у него дрогнула левая рука — потянулась к королеве, остановилась, легла на подлокотник трона. Не встал. Не подошёл. Король, который не встанет при виде испуганной жены, в этом мире либо очень занят, либо очень боится.

Я убралмыслеобраз. Струны Лютни замолчали. Песок осыпался. Стены из костей растаяли. Пирамиды схлопнулись. Фасет исчез. В зале остался только запах — сладковатый, едкий, который не сразу выветривался.

Тишина стояла секунды три. Гринфолл первым нарушил её.

— Ваше величество, — сказал он, и голос у него был хриплым. — Теперь вы понимаете, почему я год искал эти порталы.

Король не ответил. Он смотрел на меня. Потом перевёл взгляд на королеву. Элара прижимала руку к груди, но уже оправилась. Король кивнул ей — иди, мол. Элара ушла, не оборачиваясь, и за её спиной закрылась тяжёлая дверь.

— Что это было, — сказал король. Не спросил. Сказал.

— Память адепта, — ответил я. — Я извлёк её из головы одного из тех, кого мы убили на Чёрном острове. Лютня проигрывает мыслеобразы, ваша шарманка проигрывает мелодии. Это не выдумка. Это то, что они помнили. И, судя по тому, что они помнили, они это видели своими глазами.

— Сколько их было? — спросил Эвенвуд. Голос у него был ровный, как у человека, который привык задавать вопросы в залах, где от ответа зависит жизнь.

— На Чёрном острове — двадцать семь. В империи, по моим оценкам, — сотни. Может, тысячи. Я не знаю точно. Секта Тёмных спящих тайная организация.

— Чего они хотят? — спросил король.

— Открыть три портала, — сказал я. — Три древних осколка, разбросанных по империи. Они хотят впустить Фасета в Торр. Если они это сделают, ваше величество, то через год здесь не будет вашего трона. Здесь будет пирамида.

Король помолчал. Потом посмотрел на Гринфолла.

— Это правда?

— Правда, ваше величество, — ответил Гринфолл. — Я нашёл два из трёх осколков. Один — на Чёрном острове, как и говорит рон Мих. Второй — у меня, в коллегии, под охраной. Третий — в Васторне, и мы не знаем, кто его охраняет.

— Тогда почему вы не нашли третий? — спросил король, и в его голосе впервые проступила ярость.

— Потому что, ваше величество, — сказал Гринфолл, — мы не знали, что именно искать. Рон Мих узнал совсем недавно. У него есть инструмент, которого нет у нас. И память адепта, которой нет у нас. И команда, которая уже побывала на Чёрном острове, чего не сделала ни одна из ваших гвардий.

Король опять помолчал. Потом повернулся ко мне.

— Ты, — сказал он, — знаешь больше, чем говоришь.

— Я знаю ровно столько, сколько нужно, чтобы вы мне поверили, ваше величество, — ответил я. — И ровно столько, чтобы вы дали мне то, что мне нужно, чтобы это остановить.

— Чего ты хочешь? — спросил король.

Я ждал этого вопроса. Я готовился к нему всю дорогу от поместья до дворца.

— Должность, — сказал я. — Не титул барона. Баронство — это земля, а земля означает вассалитет, а вассалитет означает, что я буду обязан одному из ваших герцогов, и тогда я не смогу работать на вас, ваше величество, потому что мой сюзерен будет требовать, чтобы

я работал на него. Дайте мне должность. Королевский алхимик. Не земля — статус. Право свободного входа во дворец в любое время. Право обращаться к вам напрямую, без герцогов и без советников.

Эвенвуд поднял бровь. Азард чуть заметно улыбнулся. Король смотрел на меня долго, и в его глазах медленно проступало что-то похожее на уважение.

— Ты, гоблин, хитрее, чем выглядишь, — сказал король.

— Ваше величество, — ответил я. — Я выгляжу именно так, как есть. Я алхимик. Алхимик не может работать, если ему мешают. Дайте приказ мне не мешать.

— Хорошо, — сказал король. — Королевский алхимик. Право свободного входа. — Он повернулся к Эвенвуду. — Герцог, обеспечьте охрану его поместья. Я не хочу, чтобы завтра его дом сожгли из-за того, что он не понравился его соседям.

Эвенвуд поклонился. Я тоже поклонился.

— Ваше величество будет довольно, — сказал я.

— Не будет, — ответил король. — Но хоть что-то. Ступай. Азард, проводи.

Я вышел из зала. Бор и Грилф — за мной. У двери я обернулся. Король сидел на троне, и его рука всё так же лежала на подлокотнике, и в его глазах было то, чего я не хотел видеть: страх. Король Болиант, наследник династии, которая правила Андовиллем триста лет, боялся. Это было плохо. Король, который боится, — это король, который делает глупости. Мне нужен был король, который злится и поступает правильно.

В боковом коридоре, у окна с витражом, изображавшим святого Марка с мечом и книгой, нас дождался Азард. Он стоял спиной к нам, заложив руки за спину, и смотрел на витраж. Когда мы подошли, он обернулся.

— Рон Мих, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

— Я слушаю, лэр Азард.

— Не здесь, — он кивнул в сторону ниши, где стояла скамья и где не было видно из коридора. — Сюда.

Мы прошли в нишу. Бор остался у входа, Грилф — у второго. Я сел на скамью. Азард — рядом.

— Формальная жалоба, — сказал он. — Клан Золотой Рыси через своего представителя при дворе подал кровную жалобу на Лириэль и лэра Адимуса. Утверждают, что Адимус соблазнил эльфийку, а Лириэль нарушила обет помолвки с Ингларом из их клана. Жалоба будет рассматриваться в королевском совете через седмицу.

Я помолчал. Кровная месть. Знакомо. На Земле это называлось «разбирательством по понятиям», здесь — «судом кланов». Суть та же: кто сильнее, тот и прав. Только здесь сильнее — это не ствол и не кулаки, это влияние при дворе и магия. Что ж, у меня есть и то, и другое. Посмотрим, у кого больше.

— По закону они правы? — спросил я.

— По закону кланов — да, — ответил Азард. — Кровь клана перевешивает закон королевства. Без тебя Лириэль не выйдет живой из зала совета. Они имеют право потребовать её выдачи, и совет, скорее всего, удовлетворит требование.

— А со мной?

— С тобой — они подожмут хвост. Ты — королевский алхимик. У тебя право свободного входа во дворец. Тебя нельзя тронуть без разрешения короля. Но они попробуют обойти — через совет, через герцогов, через гильдии. Они долго готовились.

— Я буду, — сказал я. — Где и когда?

— Через седмицу. В зале совета, в полдень. Приходи с советником, хорошо знающим наши законы, если у тебя есть такой.

— У меня его нет, но меня есть Бор.

Азард посмотрел на Бора, который стоял у входа в нишу и не двигался. Потом усмехнулся.

— Это лучше советника, — сказал он. — Но всё равно приходи, и не с пустыми руками. Они подкупили двух судебных советников из девяти.

Я кивнул. Азард встал. Я тоже.

— Мих, — сказал он. — Я не на твоей стороне. Я на стороне короны. Но корона сейчас — это ты, потому что ты единственный, кто видел Фасета и единственный знаешь что делать. Не дай себя убить в ближайшие седмицу. Это важно.

— Постараюсь, лэр Азард.

Он ушёл. Я проводил его взглядом до поворота коридора. Потом встал и пошёл к фургону. Бор и Грилф не задавали вопросов. Они видели, что я думаю.

Фургон стоял у входа в крыло стражи, на том же месте, где мы его оставили. Два мерина — гнедые, с белыми носками, купленные у торговца из Олхэма за пятнадцать золотых — лениво жевали овёс из торбы. Я сел на козлы. Бор — рядом, сел на скамью и закрыл глаза, Грилф залез в фургон. Три часа до поместья. Я молчал все три часа. Бор и Грилф не задавали вопросов. Они знали, что мне нужно подумать.

Дорога от Андовилля до поместья Валериуса теперь уже моё, шла через Старый мост, мимо гильдии наёмников, мимо рынка шерсти, мимо восточных ворот, где стража лениво проверяла пропуска, и дальше — по тракту, обсаженному липами, которые ещё не начали желтеть. Закат был тёплым, медным, и небо над полями выглядело так, будто кто-то разлил по нему мёд. Через час молчания Бор тронул меня за локоть.

— Мих.

— Слушаю.

— Ты был прав насчёт короля. Он не дал тебе титул. Дал то, что не привязывает.

— Угу.

— Зачем ему это?

— Затем, Бор, что король неглуп. Баронат — это земли, это вассалы, это голос в совете. Барон может стать угрозой. Королевский алхимик — нет. Королевский алхимик — это инструмент, и инструмент всегда под рукой, и всегда можно отложить в сторону. Король хочет меня иметь под рукой. И он хочет, чтобы я зависел от него, а не он от меня.

— Понял, — сказал Бор и помолчал. — А Золотая Рысь?

— А Золотая Рысь — это уже наша забота. Через седмицу совет. Готовься.

Бор кивнул и больше не спрашивал. Я смотрел на медное небо над полями и думал о том, что король Ингус только что дал мне ровно то, что я просил, а это всегда плохой знак. Короли не выполняют просьбы без причины. Значит, у Ингуса была причина. Я не знал какая. Я собирался узнать.

Ворота поместья открыл Ольгерд — новый привратник, пожилой хуман с лицом, вырубленным из старого дуба, которого Алекс нанял из ветеранов гильдии. Ольгерд кивнул, не спрашивая, как прошёл день. Я ему за это был благодарен. Меринов увели в конюшню, я направился к дому.

Поместье Валериуса было не просто домом. Место силы — старое, с толстыми стенами из серого камня, с узкими окнами, с башенкой в северо-восточном углу, построенной над магическим источником. Дом питался маной хозяина и в ответ давал защиту: с каждым шагом к парадному входу у меня в голове прояснялось, а усталость уходила, как вода в песок. Дом работал.

Я разделся, скинул парадный дублет — подарок Фролла, тёмно-зелёный, с серебряной вышивкой, который натирал шею, — переоделся в рабочую рубаху.

Я спустился в лабораторию. Она находилась в подвале поместья, под главной лестницей, за дубовой дверью с медной ручкой в виде свернувшейся змеи. Я открыл дверь, вошёл, акти-

вировал светильник — четыре магических шара под потолком, реагирующие на присутствие хозяина. У дальней стены стоял длинный рабочий стол из чёрного дерева: алхимические весы с медными чашами, набор стеклянных реторт, пять керамических ступок, гранитная плита, бронзовый котёл на треноге. У левой стены установка для тонкой очистки ингредиентов, работала она только при хозяине-маге, который мог ее активировать. Я пока не мог. Валериус обещал научить.

Я подошёл к столу, сел на высокий табурет, достал из магической сумки Лютню, провёл пальцами по струнам. Лютня тихо откликнулась, но я не активировал её. Я смотрел на Чёрный камень души.

Камень лежал на отдельной подставке из чёрного бархата, в углу стола, между двумя медными подсвечниками. Я привёз его с Чёрного острова — из логова Высшего Лича, где мы нашли три камня. В одном уже сидел Эрегон. В двух других — ученики архимага Валериуса, Фауст и сам Морриган.

Эрегон проснулся давно. Трое других молчали. Я ждал, когда они сами захотят говорить.

Сегодня камни пульсировали. Тёплым внутренним светом, медленно, как сердце старого человека, который долго спал и наконец просыпается. Я смотрел на них секунды три. Потом положил ладонь сверху.

Голоса пришли одновременно.

— Хозяин... мы готовы говорить.

Четыре голоса. Эрегон — первым, как всегда. Валериус — вторым, медленно, с тем особым архаическим тоном, который я уже узнавал. Фауст — третьим, тихо, с придыханием. Морриган — последней, и её голос звучал, как треск сухой ветки под ногой. Четверо. Не трое, как я рассчитывал. Четверо.

Я не пошевелился. Я держал ладонь на камне и слушал. Где-то наверху, в парадном зале поместья, Ольгерд тяжело бил в медный колокол, созывая слуг к ужину. В конюшне заржал мерин. В лаборатории горели четыре магических шара, и тени от них ложились на стол, как четыре раскрытые ладони. А из камня шёл голос Валериуса, и голос говорил:

— Хозяин. Под лабораторией есть второй уровень. Туда ты ещё не спускался. Спустись. Я ждал этого двести лет.

Глава 2

Каждое утро я завтракал в «Золотом драконе», сегодня оно началось с яичницы с ветчиной и сыром, взвара из лесных трав: терпкого, с лёгкой горчинкой, он напоминал травяной чай, только крепче и письма. Завтрак принесла служанка, на большом медном подносе; письмо — посыльный мастера Фролла, хозяина таверны, на серебряном подносе, что уже само по себе было знаком. Письма на серебряных подносах в Андовилле носят, когда хотят, чтобы их прочитали непременно. Печать на сургуче — змея, обвившая древо — была мне незнакома. Я вскрыл печать ножом для масла, развернул плотный пергамент. Почерк был ровный, выверенный, из тех, каким пишут писари серьезных людей: ни одного лишнего росчерка, точки стоят на положенных местах. Текст — вежливый до тошноты.

«Его сиятельство граф Ларс Беннет, владетель Восточного Лога, низайше просит рона Муха из Речного, королевского алхимика, оказать честь дому Беннетов присутствием на обеде примирения. Обед состоится в загородном поместье Беннетов, что в трёх часах езды по Северному тракту, в третий день седмицы, к полудню. Буду рад разделить с гостем трапезу и разговор. Граф Ларс Беннет.»

Я прочитал письмо трижды. Слишком вежливо. Слишком вовремя — вчера я получил титул, сегодня утром уже прилетает приглашение. Кто-то очень быстро узнал, что у королевского алхимика нет ни герцога за спиной, ни клана, ни армии. Кто-то решил, что меня можно убрать, пока я не оброс связями. Я свернул пергамент в трубку и сунул за пояс. Фролл ещё стоял у стола, ожидая ответа.

— Передай курьеру, — сказал я. — Рон Мух благодарит графа Беннета за приглашение и примет его.

— Слушаюсь, рон Мух.

Посыльный поклонился и ушёл. Я допил молоко, вытер губы салфеткой и поднялся в свою комнату которую мастер Фролл передал мне в бессрочное пользование, как компаньону. Нужно было собраться с мыслями. Через полчаса я принял решение и отправился в усадьбу.

В лабораторию я спустился ещё через час. Бор и Грилф уже были там — Бор сидел на высоком табурете у стола, Грилф стоял у Лабиринта Валериуса и с интересом смотрел на трубки устройства, из которых струился голубоватый туман. Я положил пергамент на стол, придавил его медным подсвечником.

— Приглашение на обед, — сказал я. — От графа Беннета. Отца того самого Генри, которому я сломал нос в подворотне.

Бор поднял голову.

— Ловушка?

— Ловушка.

— Идешь?

— Иду.

Бор кивнул. Он не спрашивал, почему. Он уже знал, что я не из тех, кто отказывается от ловушек, потому что отказ от ловушки — это признак страха, а страх при дворе чуют за две комнаты. Я положил ладонь на Чёрный камень души. Камень отозвался тёплой волной.

— Валериус, — сказал я мысленно. — Нужен совет.

Голос архимага пришёл не сразу. Сначала — шорох, как сухие листья под ногой, потом — его слова, медленные, с тем архаическим тоном, от которого у меня каждый раз ёкало под ложечкой.

— Слушаю, хозяин.

— Меня зовут на обед. Граф Беннет. Отец парня, которому я сломал нос. Приглашение пришло сегодня утром, через день после того, как меня назначили королевским алхимиком. Это ловушка.

Пауза. Достаточно долгая, чтобы я понял: архимаг думает.

— Хозяин, — сказал Валериус. — В моё время на такие встречи звали, чтобы отравить. Сейчас нравы мягче. Но ненамного.

— Что посоветуешь?

— Иди. Сидеть в поместье и прятаться — это тоже знак. Знак слабости. Иди, но с тремя страховками.

— Слушаю.

— Первое. Зелье универсальный антидот. Выпей до обеда. Яды оно нейтрализует, а парализующие — особенно. В моё время парализующие яды были в большом ходу у аристократов: жертва не может пошевелиться, а потом её режут в «пьяной ссоре», и свидетели подтверждают, что гость напился и полез на хозяина с ножом.

— У меня есть антидот. Я сам варил.

— Хорошо. Второе. Ментальный щит. На себя и на друзей. Граф Беннет — не маг, но его сын Генри — студент боевой магии в коллегии. Я не знаю, чему его успели научить. Может, ментальной атаке. Может, нет. Лучше перестраховаться.

— Сделаю.

— Третье. — Голос Валериуса стал тише, и в нём проступила та особая хрипотца, с которой он говорил о вещах, которые считал забавными. — Возьми с собой настойку. Свою. Красную. Налей хозяевам.

— Зачем?

— Никто, хозяин, не отказывается от настойки Горна. Это проверка. Если они выпьют и попросят ещё — значит, не травят. Если откажутся — значит, точно травят, и знают, что настойка с антидотом не сочетается.

— Откуда они могут это знать?

— Они могут не знать. Но трус всегда отказывается.

Я мысленно усмехнулся. Валериус был циником шестьсот лет назад. И остался им. Я убрал ладонь с камня. Бор смотрел на меня, Грилф — на Бора. Оба ждали.

— Готовимся к обеду как к бою, — сказал я. — Бор, четыре амулета. Все, что есть. Грилф — лёгкую броню под камзол. Оружие берём. Алекс с отрядом едет следом, на расстоянии получаса. При первом сигнале — входят.

— Сигнал? — спросил Бор.

— Я активирую Лютню. Одна нота. Кто услышит — бежит.

Бор кивнул. Грилф оскалился — то, что он считал улыбкой, — и вышел из лаборатории. Я слышал, как он поднимается по лестнице, тяжело, по-медвежьи, и каждая ступенька под ним стонет. Бор задержался.

— Мих.

— Да.

— Если они всё-таки попробуют — я их вынесу.

— Знаю.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я это сделаю.

— Знаю, Бор.

Он кивнул и ушёл. Я остался в лаборатории один. Достал из стеллажа три фиала зелья антидота — себе, один Бору, один Грилфу. Выпил свой залпом. Горько, как полынь, с металлическим привкусом. Потом сел и двадцать минут плёл ментальный щит — на себя, на Бора, на Грилфа. Это было плетение из шестнадцати узлов, каждый из которых я привязывал к ауре получателя, как рыбак привязывает поплавков к леске. Когда я закончил, у меня слегка гудело

в висках. Я вышел во двор. Фургон был уже запряжён. Бор стоял у козел, подтягивал подпругу. На нём был парадный камзол — тёмно-синий, с серебряной вышивкой по воротнику, — но под камзолом угадывалась кольчуга. Грилф, сын мастера Горна, в камзоле цвета бордо с поддетой под него лёгкой бронёй, выглядел ещё внушительнее: его плечи были на три ладони шире дверного проёма, и я видел, как Ольгерд, державший стремя, невольно отступил на шаг, когда Грилф повернулся к нему. Я надел парадный дублет — подарок Фролла, тот самый, тёмно-зелёный, с серебряной вышивкой. Через плечо повесил чехол с Лютней. Лютня в чехле выглядела как обычный музыкальный инструмент, не более. Я знал, что это не так.

Алекс ждал нас у ворот с четырьмя наёмниками — весь его отряд, пять человек включая командира. Все верхом, все при оружии, все в дорожных плащах с надвинутыми капюшонами. Алекс — коренастый хуман с рыжими усами и шрамом через левую бровь — кивнул мне.

— Мих. Распоряжение?

— Едете за нами. Дистанция — полчаса езды. Если услышите звук Лютни — одним длинным аккордом, — входите в поместье. Без предупреждения. Без переговоров.

— Понял.

Я кивнул. Алекс тронул поводья, его отряд развернулся и ушёл по тракту. Мы выехали следом, но медленнее, чтобы держать дистанцию.

Северный тракт шёл через лес, потом через поля, потом опять через лес. Лес был старый, дубовый, с подлеском из орешника, и в нём пахло грибами и палой листвой, как всегда, пахнет в старых лесах в начале осени. Я считал повороты. Семь. На седьмом повороте тракт разветвлялся.

— Мих, — сказал Грилф из кузова.

— Слушаю.

— А если обед не задастся — можно я им сломаю что-нибудь, кроме носа?

— Можно, — ответил я. — Но только если я скажу. Не раньше.

— Ладно.

— Грилф, — сказал Бор. — Ты обещал.

— Я помню, — пробасил Грилф.

Я усмехнулся. С Грилфом было просто. Он хотел одного — чтобы ему разрешили. Мы свернули налево. Через полчаса впереди показались крыши. Поместье Беннетов стояло на холме, окружённое старой каменной стеной с четырьмя башенками по углам. Стена была сложена из тёмного песчаника, поросшего мхом. Ворота — дубовые, окованные железом, с гербом Беннетов: змея, обвившая древо. Я снова увидел этот герб. На письме он был на сургуче. Здесь — на воротах. И мне это не нравилось.

— Готовы? — спросил я, не оборачиваясь.

— Готовы, — ответил Бор.

— Готовы, — пробасил Грилф.

Ворота со скрипом разошлись, и перед нами возник мажордом: пожилой хуман в строгом чёрном одеянии. Его лицо, будто высеченное из того же песчаника, что и стены, не выражало ни единой эмоции — сплошная каменная невозмутимость. Он сдержанно поклонился.

— Рон Мих. Его сиятельство ожидает вас в малом зале. Прошу.

Мы спешили. Фургон конюх перегнал к хозяйственным постройкам. Бор повесил на него заклинание от взлома. Я прошёл за мажордомом через двор, вымощенный булыжником, по которому эхо от моих шагов разносилось гулко. У входа в дом мажордом распахнул двустворчатую дверь, и меня встретил запах: старое дерево, воск, дым камина, и ещё — едва уловимый, кислый запах, который я знал слишком хорошо. Запах страха. Кто-то в этом доме боялся. Я вошёл в малый зал.

Зал был длинный, с низким потолком, обшитым тёмными панелями из морёного дуба. По стенам висели портреты — десять, по пять с каждой стороны, в тяжёлых рамах чёрного

дерева. Все предки Беннетов смотрели на меня. У всех были одинаковые глаза — холодные, серые, с прищуром. Граф Ларс Беннет стоял у камина. Худой, седой, лет шестидесяти, в чёрном дублете без украшений, с одной серебряной цепью на шее — знаком графского достоинства. Лицо у него было длинное, скуластое, с тонким ртом, и в нём было столько желчи, что её хватило бы на троих. Глаза — серые, как у портретов, и такие же мёртвые. Жена его, как я знал, умерла двадцать лет назад при родах Генри. Граф не простил этого миру. Это я читал по его ауре, как по открытой книге.

— Рон Мих, — сказал граф. Голос у него был тихий, ровный, без единой интонации. — Рад, что вы приняли приглашение.

— Ваше сиятельство, — ответил я, слегка поклонившись. — Благодарю за честь.

Генри стоял справа от отца. Молодой, лет двадцати двух, красивый, с той особой ядовитой улыбкой, что бывает у избалованных наследников. У него был сломанный нос — мой подарок — и он сросся криво. Я протянул ему руку. Он пожал. Я активировал истинное зрение. Аура Генри была именно такой, как я ожидал: чёрные пятна зависти в солнечном сплетении, красные вспышки ярости в над головой, серые разводы по краям. Характерный букет. Я мысленно усмехнулся. Граф Ларс жестом указал на стол.

— Прошу. Обед подан.

Стол был длинный, на двенадцать персон, но сервирован только на пять мест. Меня усадили в торце, лицом к двери, как я и хотел. Бор сел справа, Грилф — слева. Беннеты сели напротив. Между нами, на столе, стояли серебряные кубки, кувшин с красным вином, блюдо с нарезанным хлебом, и три тарелки с закусками: солёная рыба, маринованные оливки, тонкие ломти сыра. Первые два блюда прошли в гробовой вежливости. Граф Ларс говорил о погоде.

— Дубы в этом году рано желтеют, — сказал он, подцепив вилкой оливку. — К зиме, видимо, рано.

— Возможно, ваше сиятельство, — ответил я. — Я не местный. Не местных примет.

— Откуда вы родом, рон Мих?

— Из Речного, ваше сиятельство. Поселок у подножия Серых гор.

— Далеко.

— Не очень.

Генри молчал. Но его взгляды на меня были как ножи — мелкие, частые, с расстояния в полтора локтя. Я делал вид, что не замечаю. Бор тоже молчал. Грилф ел. Грилф ел основательно, методично, с тем особым удовольствием, с каким едят люди, привыкшие к тому, что еда может быть последней. На третье блюдо подали жареного кабана. Слуга — молодой парень, лет семнадцати, в ливрее Беннетов — поставил тарелку передо мной. Я заметил, что его рука дрогнула. Он быстро отступил. Я не показал, что заметил. Я сидел, смотрел на тарелку, медленно поднес левую руку к кубку, как будто хотел пить, но активировал Обнаружение — тихо, без жестов, одним мысленным посылом. Зелёное свечение вспыхнуло на тарелке. Слабое, едва заметное, как плесень на хлебе. Яд. Не смертельный — парализующий. Через минуту я должен был бы потерять возможность двигаться. Через две — возможность говорить. Через пять — «случайная смерть на пьяной ссоре», свидетели подтверждают, коронер констатирует, дело закрывают. Я не пошевелился. Я взял кубок с вином, сделал глоток, поставил. Вино было кислое, с осадком. Я не пил. Я держал кубок у губ и ждал. Ждал правильно. Подождать нужно было минуту. Дать им думать, что я ем.

— Ваше сиятельство, — сказал я, откладывая кубок. — У меня с собой настойка. Моего производства. Позвольте угостить вас и вашего сына. За примирение.

Граф Ларс поднял бровь. Я заметил, как Генри чуть дрогнул. Дрогнул, как дёргается человек, который ждал удара и услышал шаг за спиной.

— Настойка? — спросил граф.

— Да, ваше сиятельство. Красная настойка.

Я достал из сумки флягу — медную, с гравированным жёлудем на крышке, — отвинтил пробку, налил в три чистых кубка, которые слуга торопливо подал. Густая красная жидкость, по консистенции напоминающая темный мед, вытекала тонкой струей, мгновенно высвобождая яркий аромат: сочетание крепкого алкоголя, корицы и кисло-сладких нот дополнялось характерным терпким запахом горных трав. Аристократ старой школы не отказывает гостю. Граф Ларс поднял кубок, не задумываясь, и выпил одним глотком. Его лицо мгновенно изменилось. Скулы порозовели. Серые глаза потеплели. Рот, сжатый в тонкую линию, разжался.

— Боги, — выдохнул он. — Что за напиток...

Генри мнётся. Генри смотрит на отца. Генри не хочет пить. Генри боится. Но Генри знает, что отец смотрит. И Генри пьёт. Пьёт неохотно, маленьким глотком, но пьёт. Через секунду его глаза становятся стеклянными. Настойка ударила в голову. Я мысленно считал: три секунды, пять, семь. Семь — и Генри уже не опасен. Семь — и ментальный блок у него размыт. Семь — и я могу, если захочу, прочитать его как открытую книгу. Я не стал. Не было нужды. Я поднял свой кубок, сделал вид, что пью, но не пил. А потом, пока Генри разглядывал свои ногти, а граф Ларс рассказывал о налоге на шерсть, я тихо, без жестов, одной рукой, поднял свой кубок с отравленным вином и вылил его в стоявшую рядом напольную вазу с цветами — белыми розами, видимо, срезанными утром, ещё свежими. Ваза была хрустальная, узкогорлая. Вино потекло по лепесткам, как тёмная кровь. Я продолжал слушать графа Ларса. Минуты через полторы белые розы начали чернеть. Сначала — кончики лепестков. Потом — серединка. Потом — стебель. Через две минуты в вазе стояли чёрные, скрюченные стебли, похожие на обгоревшие спички. Граф Ларс не видел. Генри не видел. Видел только Бор. Бор посмотрел на вазу, потом на меня, и я слегка покачал головой: не сейчас. Бор кивнул и снова стал есть. Обед продолжался ещё час. Граф Ларс, уже заметно подобревший от настойки, говорил о торговле, о делах коллегии, о том, что налог на шерсть в этом году поднимут, и что гильдия ткачей ропщет. Я слушал, кивал, отвечал коротко. Генри молчал, но его глаза стекленели всё больше, и к концу обеда он сидел, уставившись в тарелку, как человек, который потерял счёт винам. Когда подали последний кубок — сладкого токайского — граф Ларс встал. Мы встали тоже.

— Рон Мих, — сказал граф. Голос у него уже не был таким ровным. Настойка сделала его мягче, человечнее, и в нём проступало что-то похожее на усталость. — Можно сказать тебе откровенно?

— Можно, ваше сиятельство.

— Ты, гоблин, не такой, как рассказывал мой сын. Он тебя обговаривает. Он говорит, что ты хитрый, коварный, что ты ударил его исподтишка. Я узнал — нет. Ты не ударил исподтишка. Ты ударил в открытую. И это другое. — Он помолчал. — Но учти. Я не умею ни прощать, ни мстить быстро. Я умею ждать. И если ты перейдёшь дорогу моему дому по-настоящему — я подожду столько, сколько нужно. Двадцать лет. Сорок. Я могу ждать дольше, чем ты живёшь.

— Граф, — ответил я. — Я тоже умею ждать. И я тоже не прощаю. Но я не перейду вам дорогу, если вы не перейдёте мне. Договор?

Он смотрел на меня. Долго. Потом протянул руку. Я пожал. Рука у него была сухая, холодная, как у покойника, но это была честная рука. Генри стоял за его спиной, и я видел, как у него дрожат ноздри. Он не выдержал. Когда мы уже шли к двери, он бросил мне в спину, голосом хриплым от настойки и злости:

— Ты ещё пожалеешь, гоблин.

Я обернулся. Медленно. Не торопясь. Я посмотрел ему в глаза. Секунды три.

— Генри, — сказал я. — Я уже жалею. Что ты оказался настолько предсказуемым.

Генри побагровел. Я отвернулся и вышел. Во дворе нас ждал фургон. Бор и Грилф сели в него молча. Я — на козлы. Тронул поводья. Мерины двинулись. Ворота за нами закрылись. Тракт шёл обратно через лес. Я считал повороты. Семь. На шестом, когда до развилки оставался один, Бор вдруг сказал:

— Мих.

— Да.

— Подожди. Останови.

Я натянул поводья. Мерины остановились. Бор сидел рядом, и его лицо — обычно спокойное, как камень — было бледным.

— Что? — спросил я.

— Я сегодня почувствовал в поместье кое-что. Странное. Не Генри. Не граф. Кто-то третий.

— Где?

— В подвале. Когда мы входили, я краем — краем! — зацепил ауру. Под нами. Под залой.

— Какая аура?

Бор помолчал. Потом сказал, тщательно подбирая слова.

— Серая. Мёртвая. Как у нежити.

Я посмотрел на него.

— Бор, ты уверен?

— Уверен.

Я активировал Обнаружение на расстоянии. Обычно я сканировал в радиусе тридцати шагов. Сейчас вытянул на триста метров. Образ пришёл не сразу. Сначала — лес, деревья, запах прелой листвы. Потом — дорога позади нас. Потом — аура. Бор был прав. В трёхстах метрах позади, в чаще, двигалась серая аура. Не живая. Не мёртвая. Что-то между. Она шла за нами. Тихо. Беззвучно. С той особой, нечеловеческой осторожностью, с которой ходит нежить, которая знает, что её ищут.

— Нежить, — сказал я.

— Я знаю, — ответил Бор.

— Это не Беннет.

— Я знаю.

— Беннет — трус, но он не некромант. Некромантия — смерть для аристократа. Если бы узнали — его бы лишили всего.

— Я знаю.

— Тогда кто?

Бор не ответил. Он не знал. Я не знал тоже. Но я знал одно: нежить, которая идёт за нами в трёхстах метрах от поместья Беннетов, в день, когда меня пригласили на обед-ловушку, — не случайность. Нас вели. Кто-то хотел, чтобы я не вышел из поместья Беннетов. А если бы вышел — чтобы не дошёл до своего.

— Грилф, — крикнул я в кузов. — Меч наготове.

— Уже, — пробасил Грилф.

Я тронул поводья. Мерины пошли быстрее. Я считал секунды. До развилки — пять минут. До того места, где Алекс ждёт с отрядом, — двадцать. Серая аура за нами не ускорялась. Она шла ровно, с тем же нечеловеческим шагом, и я понимал: она знает, что я её вижу. Она не пряталась. Она вела.

— Мих, — сказал Бор. — Она не нападёт. Она ждёт.

— Чего?

— Не знаю. Но она не нападёт, пока мы едем. Она ждёт, когда мы остановимся.

Я кивнул. Я тоже так думал. И я не собирался останавливаться. Мы доехали до развилки. Алекс ждал там, как договорились. Я остановил фургон, спрыгнул, подошёл к нему.

— Алекс. За нами нежить. Триста метров. В лесу.

— Сколько?

— Одна. Но, возможно, не одна. Алекс, возьми своих, обойди лес. Если найдёшь — не убивайте. Плените. Мне нужно знать, кто её послал.

— Понял. У меня есть амулет паралича, полностью заряженный.

Алекс кивнул, поднял руку, и отряд наёмников, нырнули в лес. Я вернулся к фургону. Бор уже сидел с посохом в руках, и посох светился ярче обычного — Бор готовился к бою, и его мана отвечала. Грилф стоял в фургоне, опираясь на рукоять двуручного меча с красным сиянием — трофея с Чёрного острова, — и его клыки блестели в закатном свете.

Я тронул поводья. Фургон пошёл по тракту. Серая аура за нами не двигалась. Она стояла на месте. Ждала. Я не оборачивался. Я знал, что мы ещё встретимся.

Глава 3

Ворота поместья Валериуса открыл Ольгерд. Старик стоял у створки с фонарём в руке, и свет фонаря ложился на его лицо, вырубленное из старого дуба, жёсткими жёлтыми бликами. Ольгерд кивнул, не задавая вопросов о том, как прошёл день. Он был из тех сдержанных ветеранов, чье молчание я ценил выше всего.

— Добрый вечер, хозяин — прозвучал голос Ольгерда.

— Добрый вечер, Ольгерд. Что нового —спросил я.

— Ничего особенного — Ольгерд на мгновение замолчал:

— Почти ничего.

В этот момент из лаборатории донеслось движение.

Я спускался два раза — проверял. Дверь заперта, ключ у меня, лишних следов нет. Но голоса были. Четыре. Я не разобрал слов. И свет был — там, где не должен быть. Жёлтый, тёплый. Я решил не лезть. Ждал вас.

— Ольгерд, ты слышал эти голоса, когда меня не было дома?

— Да, хозяин. Первый раз — около полудня. Второй — под вечер.

Я кивнул. Духи проснулись. Камень души, который я привёз с Чёрного острова, дождался своего часа. Ольгерд это услышал. Хорошо, что не полез.

— Ольгерд, с этого дня никто в лабораторию не входит. Слышишь голоса — жди меня наверху.

— Понял, хозяин.

В прихожей пахло дымом камина и натёртым воском. Дом откликнулся на моё присутствие той волной тепла, на какую я уже привык: сначала — лёгкая ясность в голове, потом — уход усталости, потом — спокойствие. Дом питался маной хозяина, и хозяин был силён. Этого хватало. Я переоделся в рабочую рубаху, повесил на пояс и спустился в лабораторию.

Дверь была заперта. Ольгерд, как и обещал, ключей не давал никому. Я открыл своим, вошёл. Четыре магических шара под потолком зажглись тёплым желтоватым светом, реагируя на присутствие хозяина. Лаборатория была такой же, какой я её оставил утром: рабочий стол из чёрного дерева, алхимические весы с медными чашами, набор стеклянных реторт, гранитная плита, бронзовый котёл на треноге, Лабиринт Валериуса — конструкция из шестнадцати медных трубок, по которым магия стекала из верхнего резервуара в нижний. И в углу стола, на отдельной подставке из чёрного бархата, между двумя медными подсвечниками — Чёрный камень души.

Камень пульсировал. Ровным тёплым светом, медленно, как сердце старого человека, который долго спал и наконец просыпается. Я сел на высокий табурет, положил ладонь на камень.

— Хозяин, — сказали четыре голоса одновременно.

Эрегон — первым. Знакомый, ровный. Эрегон был из тех духов, что говорят, как священник читает молитву — спокойно, без пауз.

Валериус — вторым. Медленно, с тем архаическим тоном, от которого у меня ёкало под ложечкой: старый маг, шестьсот лет проживший духом в стенах собственного дома, говорит так, будто каждое слово он выкатывает перед собой, как колесо телеги.

Третий голос был незнакомый. Тихий, с придыханием, как у человека, который долго не разговаривал и боится сказать лишнее. Фауст.

Четвёртый — тоже незнакомый. Хриплый, сухой, как треск ломаемой ветки. Морриган.

Я подождал секунду. Дал им привыкнуть к моему присутствию в общем ментальном пространстве. Потом сказал:

— Приветствую вас. Меня зовут Мих из Речного. Я — новый хозяин этого дома и хозяин Чёрного камня души, в котором вы теперь живёте. Прежде чем мы перейдём к делу, я хочу, чтобы каждый из вас назвался и принёс клятву подчинения. Эрегон, ты уже клялся — но повтори для остальных. Так надо.

Эрегон ответил первым. Без паузы.

— Эрегон, бывший маг-наставник гильдии наёмников. Принесён в камень по собственной воле. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Валериус ответил вторым. Голос его стал тише, как у человека, который произносит клятву не впервые.

— Архимаг Валериус, основатель этого дома и хозяин поместья при жизни. Принесён в камень по собственной воле. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Третий — Фауст.

— Фауст, ученик архимага Валериуса, третий круг общей магии. Принесён в камень по воле учителя. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Четвёртый — Морриган.

— Морриган, ученица архимага Валериуса, второй круг тёмной магии. Принесена в камень по воле учителя. Клянусь: не лгать хозяину, не предавать хозяина, не действовать во вред хозяину. Клятва скреплена кровью камня.

Я подождал, пока клятва отзвучит. По камню прошла волна — магическая печать скрепила слова, и теперь нарушить её значило умереть в камне окончательно.

— Хорошо. Теперь — к делу. Валериус, рассказывай. Что ты знаешь об этом доме, чего не знаю я?

Валериус помолчал. Вероятно, он всё ещё привыкал к самой возможности говорить — пусть лишь мысленно, но после двухсот лет вынужденного молчания даже это казалось чудом.

— Хозяин, я провёл в этом доме двести лет. Наблюдал, как сменялись владельцы. Семь семей. Четыре безумца. Три самоубийцы. Один — твой предшественник по духу, тоже алхимик, но без твоего везения. Он умер, потому что не знал того, что знаю я.

— Научишь?

— Научу. Но чудес не бывает. Я слишком много раз видел, как люди путают незнание с чудом. Так что будем делать по правилам — и по уму.

Я мысленно усмехнулся. Валериус был циником шестьсот лет назад. И остался им.

— Дом живой, хозяин. Он построен над магическим источником. Стены накапливают ману. Любой хозяин-маг бессознательно питает дом; дом в ответ даёт защиту и покой. Ты это уже чувствуешь — я вижу. Ты сильнее всех, кто жил здесь до тебя. Но будь осторожен. Если хозяин слаб — дом высасывает его досуха. Потому и семь семей сменилось за двести лет. Ты — восьмой. И первый, кто не безумен.

— Откуда ты знаешь, что я не безумен?

— Безумец, хозяин, не спрашивает «откуда ты знаешь». Безумец — верит.

— Хорошо. Что ещё?

Валериус помолчал. Я слышал, как в ментальном пространстве Фауст и Морриган переглянулись — не глазами, конечно, а как-то иначе, но я это почувствовал.

— Под лабораторией есть второй подземный уровень. Туда ты ещё не спускался.

— Знаю. Я чувствовал.

— Там — алтарь мага. И... что-то ещё.

— Что именно?

Пауза. Долгая. Достаточно долгая, чтобы я понял: архимаг решает, говорить или нет. Решал он, видимо, давно — потому что ответил ровно и без запинки, как человек, который давно подготовил фразу.

— Хозяин, я покажу, когда ты будешь готов. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что ты ещё не знаешь дом. Потому что ты не знаешь меня. Потому что, если ты спустишься сегодня, ты не поймёшь того, что увидишь. А я не хочу, чтобы ты не понял. Я ждал двести лет. Подожду ещё один день.

Я мысленно кивнул. Валериус был прав.

— Хорошо. Что ещё?

Валериус рассказал. О источнике под фундаментом — он бил из трещины в скале, и мана по нему текла, как вода по трубе. О стенах — каждый камень был обработан заклинанием накопления: стена брала ману из источника и держала её, как губка воду. О башенке в северо-восточном углу — там было самое плотное место, и Лабиринт Валериуса работал на местной мане, без заряженных кристаллов. О семи семьях — все они были магами, но ни один не был алхимиком; все они пытались использовать дом как крепость, и у них ничего не вышло, потому что дом — не крепость, дом — сожитель. Дом берёт и даёт. И если берёт больше, чем даёт — хозяин умирает.

Утро принесло гостью. Я завтракал в малой столовой — хлеб, сыр, холодная баранина — когда Ольгерд постучал в дверь.

— Хозяин, там у ворот гномка. Говорит, что пришла с вестью. Без оружия. Без поклажи. Хочет говорить с хозяином лично.

— Веди сюда.

Через минуту Ольгерд ввёл её в столовую. Молодая гномка, лет тридцати. Рыжие волосы в тугих косах. Крепкая, коренастая, с широкими ладонями мастера-механика. Я встал.

— Садись. Завтракаешь?

— Нет, хозяин. Я не голодна.

— Ольгерд, принеси хлеба, сыра, чаю.

Ольгерд кивнул и вышел. Гномка села на край стула, как садятся люди, которые не знают, долго ли им здесь быть. Я смотрел на неё и молчал. Я умел молчать дольше, чем большинство. Ольгерд принёс чай, хлеб, сыр. Гномка выпила чашку одним духом. Я подвинул к ней тарелку.

— Ешь. Потом расскажешь.

Она ела быстро, машинально, думая о чём-то своём. Я подождал, пока она доест. Потом сказал:

— Имя.

— Брунгильда. Мастер-механик гильдии гномов Андовилля.

— Зачем пришла?

Брунгильда посмотрела на меня. Глаза у неё были серые, тяжёлые, и в них была та смесь страха и решимости, которая бывает у разумных, которые приняли решение и теперь не знают, как к нему относиться.

— Мих, я принесла тебе весть. Гильдия готовит патентный иск.

— На что?

— На рессоры. На осветлитель вина. На дубликатор. Якобы нарушают древние гномьи привилегии.

— Кто готовит?

— Мастер Гнорр. Глава гильдии. Он нанял адвоката из города Кельна, специалиста по магическим патентам. Иск будет подан через две седмицы.

Я помолчал. Патентный иск. Я этого ждал. С тех пор как мои рессоры пошли в обиход, гильдия механиков поднимала вой. Я думал, они начнут воровать. Они начали жаловаться.

Это было хуже — закон в Андовилле работал, и формальный иск мог отнять у меня право производить.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела твои чертежи. На стене у мастера Гнорра. Все. С обозначениями, с расчётами.

Полные.

— Как они к нему попали?

— Через Долса. Столяра. Он подкуплен. Он работал в твоём поселении — три седмицы назад, делал тебе фургон. Он снял копии с чертежей, которые ты держал в рабочей комнате.

Я мысленно выругался. Я помнил Долса, что дал ему задание запатентовать мои изобретения, и он это сделал. Так что же произошло на самом деле?

— Почему ты рассказываешь мне это?

— Потому что не хочу участвовать в подлости. Гнорр — мой мастер. Я была его ученицей семь лет. Я думала, что он честный. Он не честный.

— Что ты умеешь?

— Я проектирую механизмы. Мастер. И я единственная в гильдии, кто понимает принцип работы твоих рессор.

Я посмотрел на неё. Потом достал из поясного кошелька десять золотых и положил на стол.

— Брунгильда. Ты принесла мне вест. Это стоит десять золотых. Бери.

Она не шевельнулась.

— Но, если ты останешься — буду платить больше.

— Сколько?

— Пять золотых в седмицу. Кров. Стол. Мастерская. И работа — на меня.

— На каких условиях?

— На моих. Ты проектируешь механизмы по моим заданиям. Все чертежи — мои. Все изобретения — мои. Если ты захочешь сделать что-то для себя — ты придёшь ко мне, и мы договоримся. Никакой работы на сторону. Никакой передачи информации. Особенно — Гнорру.

— А если Гнорр пришлёт за мной?

— Тогда ты скажешь мне. И я решу, что делать с тем, кого он пришлёт.

Брунгильда помолчала. Потом кивнула.

— Беру.

— Хорошо. Ольгерд, — крикнул я. — Покажи Брунгильде комнату на втором этаже. Дай ей всё, что нужно.

Ольгерд кивнул и повёл её наверх. Я остался в столовой один. Патентный иск. Гнорр. Долс. Брунгильда, которая понимает принцип рессор лучше всех в гильдии. Я ей не верил. Но я ей дал шанс.

Вечером я спустился в лабораторию. Бор и Грилф были уже в курсе — я рассказал им за ужином. Бор молча кивнул. Грилф спросил:

— Мих, а если там чудовище?

— Тогда я буду рад, что у меня есть ты с твоим мечом.

— Я не смогу пролезть в узкую лестницу.

— Тогда ты постоишь наверху. Если я закричу — разбиваешь потолок.

— Это я могу.

Я подошёл к камню.

— Валериус.

— Слушаю, хозяин.

— Я готов.

— Подойди к шкафу. Увидишь серый камень нажми — откроется люк.

Я подошёл к шкафу у дальней стены лаборатории. Едва я нажал на серый камень, выпирающий из стены, как с тихим скрежетом открылся люк — квадратный, ровно метр на метр. Каменная крышка плавно отъехала в сторону, обнажив тёмный провал. Внизу виднелась узкая винтовая лестница, терявшаяся во мраке.

Лестница была каменная. Ступени — серый песчаник, потёртый посередине — сотни ног за двести лет, не иначе. Стены — покрыты рунами. Я активировал перстень-классификатор. Руны засветились — слабо, синеватым. «Защита от вторжения». «Запрет на проход без дозволения хозяина». «Сигнальная сеть». «Защита от нежити». «Запрет на вынос артефактов». Я запоминал. Абсолютная память запоминала каждую руну, словно выжженную в сознании. Я считал — сорок семь ступеней. Спираль делала три полных оборота. Стены сужались. Воздух становился холоднее, суше. Пахло камнем, старой магией, и чем-то ещё, чему я не мог дать названия. Лестница кончилась. Передо мной была круглая комната.

Комната была невелика — метров шесть в диаметре. Стены — из тёмного обсидиана, гладкого, как зеркало, и холодного на вид. В центре — алтарь. Чёрный, как остальная комната, отдельно стоящий, высотой по пояс, с плоской верхней плитой. В центре плиты — углубление, величиной с ладонь. В углублении лежал предмет.

Я подошёл ближе. Предмет был похож на обломок зеркала. Размер — с ладонь. Форма — неправильная, как будто от большого зеркала откололи кусок. Края — острые, с той особой, маслянисто-радужным блеском, который я видел только однажды — на стали клинка адепта в логове Лича. Я активировал перстень-классификатор.

Надпись пришла не сразу. Сначала перстень нагрелся — сильно, до боли. Потом в истинном знании проступил текст:

«Осколок портала демиургов. Фрагмент 2 из 3. Активация — мана трёх больших накопителей. Назначение — межмировой переход. Статус — повреждён, требует восстановления.»

У меня похолодело внутри. Три осколка. Три портала. Я стоял над одним из них. В собственном доме. В собственной лаборатории. Внизу, под Лабиринтом Валериуса, под рабочим столом, под стеллажами с фиалами.

— Валериус, — сказал я мысленно.

— Слушаю, хозяин.

— Ты знал?

— Да.

— Почему не сказал?

— Потому что ты должен был увидеть сам. Я мог рассказать. Но слово «осколок портала» — это одно. А вид собственного алтаря с осколком в нём — это другое. Ты — алхимик. Ты знаешь, что такое зрительное доказательство.

Я мысленно кивнул.

— Рассказывай. Что это. Откуда. И что с ним делать.

— Их три, хозяин. Один — здесь. Второй — на Чёрном острове. Ты его уже видел, но не знал, что это. Третий — в Восторне. Секта знает обо всех трёх. Они хотят открыть их одновременно и впустить Фасета. Я не знаю когда. Но знаю, что они уже близко.

Я стоял у алтаря. Я смотрел на осколок. Я думал.

Три осколка. Три портала. Три точки, где наш мир тонок, как бумага. И я стою над одним из них, в собственном доме, в собственной лаборатории. И мне вдруг становится понятно, почему Валериус исчез двести лет назад. Он тоже нашёл осколок. И осколок нашёл его. И Валериус — который был архимагом, который знал больше, чем я узнаю за всю свою жизнь — не смог закрыть портал. Он смог только спрятать его. Спрятать в собственном доме, под Лабиринтом, за рунами защиты. И ждать. Двести лет. Дождаться меня. Гоблина-алхимика, который пришёл из другого мира.

— Валериус.

— Да, хозяин.

— Если они откроют все три?

— Конец, хозяин. Не смерть. Хуже. Поглощение. Фасет — бог-насекомое из иного мира. Он не убивает. Он включает. Все живые существа станут его частью. Не рабами — частью. Ты будешь жить. И ты будешь Фасетом. И ты не будешь собой.

— А если мы успеем закрыть один?

— Шанс. Маленький. Но — шанс. Если закрыть один — два других не сработают одновременно. Система демиургов строилась так: три портала — три точки треугольника — треугольник держит равновесие. Убери одну точку — треугольник разваливается. Секта знает это. Поэтому они будут защищать все три.

Я мысленно кивнул. Я знал, что делать. Закрыть один. Закрыть тот, что у меня под ногами. Самый близкий. Самый доступный. Самый опасный — потому что он в моём доме.

— Валериус.

— Да, хозяин.

— Как закрыть?

— Не сейчас, хозяин. Ты не готов. Сначала — пойми дом. Потом — пойми осколок. Потом — пойми, что нужно, чтобы закрыть. Я научу. Но это не одна ночь. Это месяцы.

— У нас нет месяцев.

— Тогда торопись. Но не торопи меня. Я говорю так быстро, как могу.

Я кивнул, поднялся по лестнице — сорок семь ступеней, три оборота, руны тускло светились в темноте. Я вышел в лабораторию. Закрыл люк.

Я сел на табурет. Достал из магической сумки флягу с водой. Выпил. Руки немного дрожали. Не от страха. От холода подземелья.

Я уже хотел подняться наверх, как в лабораторию ворвался Ольгерд. Лицо у него было бледнее обычного.

— Хозяин!

— Что?

— Один из наёмников Алекса. Эрик. Тот, что с рыжей бородой. Он... он пытался ночью спуститься сюда.

— Куда — сюда?

— В лабораторию. Я услышал шаги. Спустился. Он уже был у двери. Возился с замком. Я его окликнул. Он обернулся и говорит — «Я заблудился. Ищу кухню».

— Кухня на другом этаже, Ольгерд.

— Я ему так и сказал.

— Что он?

— Ничего. Развернулся и ушёл. Но, хозяин...

— Что?

Ольгерд достал из-за пазухи тонкий пергаментный свиток. Протянул мне. На свитке была печать. Сине-чёрная, с тиснёным изображением. Змея, обвившая дерево.

Герб Беннетов — на письме и на воротах поместья — был знаком мне. Но сине-чёрная печать со змеей и деревом была не Беннетов. Это была печать секты Тёмных спящих. Я видел её в памяти убитого адепта, на Чёрном острове. На перстне у того, кого я убил первым.

— Ольгерд, — сказал я. — Где ты нашёл свиток?

— У Эрика в сапоге. Я его вырубил, когда он полез к двери. Обыскал — на всякий случай. В правом сапоге, за голенищем.

— Где Эрик сейчас?

— В подвале у кузни. Связанный. Грилф караулит.

— Хорошо. Ольгерд, ты сделал правильно. Иди. Скажи Грилфу — пусть не трогает Эрика. Я приду через четверть часа.

Ольгерд ушёл. Я остался в лаборатории один. Я смотрел на свиток. На сине-чёрную печать. На змею, обвившую древо. Секта. В моём доме. В отряде Алекса. Эрик — рыжебородый наёмник, который ездил за нами следом, который караулил нас у поместья Беннетов. Он был одним из тех, кого я нанял. Кому я доверял. И он — адепт Фасета. И он, может быть, знал о серой ауре в лесу. И он, может быть, ждал сигнала, чтобы открыть дверь, которую не должна открывать нежить.

Я встал. Положил свиток в магическую сумку. Вышел из лаборатории. Поднялся по лестнице. Прошёл через двор. У кузни горел факел, и при свете факела Грилф — огромный, спокойный, с двуручным мечом на плече — стоял у двери подвала, как каменный страж.

— Грилф.

— Мих.

— Он что-нибудь сказал?

— Нет. Молчит.

— Хорошо. Я зайду.

— Мих, — сказал Грилф. — Я могу с тобой?

— Можно. Но не убивай. Сначала — поговорим.

— Ладно.

Я открыл дверь. Спустился в подвал. Эрик сидел у дальней стены, связанный по рукам и ногам. Рыжая борода всклокочена, глаза — злые, но не испуганные. Адепты Фасета не боятся.

Я сел на табурет напротив. Грилф встал у двери, как скала.

— Эрик, поговорим?

Эрик усмехнулся. Так усмеваются люди, которые знают, что их всё равно убьют, и хотят умереть, не сказав ни слова. Я посмотрел на него. Потом на Грилфа. И я понял: разговор будет долгий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.